

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Статут Международного уголовного суда и конституционно-правовые нормы о невыдаче собственных граждан: проблемы имплементации

Гольбина О.Е.*

Привнесение норм Римского статута Международного уголовного суда в национальное законодательство является наиболее сложной по своему характеру проблемой в связи с тем, что данное международное соглашение отражает в себе подходы, существенно отличающиеся от применяемых во внутригосударственной практике.

Как учредительный документ Римский статут затрагивает самые различные аспекты деятельности МУС – органа, не имеющего аналогов в международной практике. Это и вопросы юрисдикционной компетенции Суда, и общие принципы права, которыми он руководствуется, порядок расследования и уголовного преследования, судебного разбирательства, обжалования, пересмотра решений и т.д.¹.

Согласно ст. 19 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., государство на любой стадии выражения согласия на обязательность международного договора (при подписании, ратификации, принятии, утверждении или присоединении) вправе заявить о том, что для него неприемлемо какое-либо положение договора².

---

* Гольбина Ольга Евгеньевна – студентка III курса юридического факультета Московского государственного университета, победитель конкурса студенческих и аспирантских работ по международному гуманитарному праву 2004 г.

¹ Сафаров Н.А. Проблемы обеспечения совместимости Римского статута Международного уголовного суда и национальных правовых систем. Баку, 2002. С. 7.

² Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 23.

Такое одностороннее заявление, посредством которого государство или международная организация желают исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора применительно к себе, называется оговоркой³.

В отношении Римского статута такой возможности нет: ст. 120 договора объявляет оговорки недопустимыми по всему договору в целом. Тем самым «обеспечивается единое применение и принятие договора», что позволяет избежать ослабления эффективности Суда⁴. Как справедливо отмечает Н.А. Сафаров, «неприменение конкретным государством положений Римского статута относительно юрисдикции Суда, преступлений, в отношении которых он должен иметь право уголовного преследования, невыдача граждан, сохранение иммунитетов должностных лиц и т.д. могли бы полностью блокировать деятельность Суда»⁵. Единственное ограничение, которое могут допустить государства, содержится в ст. 124 Статута, где предоставляется возможность в течение 7 лет после вступления договора в силу не признавать юрисдикцию Суда в отношении военных преступлений, как они определены в ст. 8.

Таким образом, перед государствами, которые принимают решение о ратификации Римского статута, встает целый ряд трудностей. Они связаны с тем, что отдельные положения Статута можно рассматривать как «противоречащие конституционным требованиям некоторых государств»⁶. Речь идет главным образом о конституционных положениях о запрете на выдачу собственных граждан, иммунитетах должностных лиц, внутригосударственной прерогативе в области помилования, принципе “non bis in idem”. При этом проблему коллизий Римского статута и национального законодательства не решает даже содержащаяся в конституциях государств норма о примате международного права⁷.

Необходимость осуществления имплементации предусмотрена самим Римским статутом: ст. 86 содержит общую обязанность сотрудничать, а ст. 88 устанавливает, что государства-участники обеспечивают наличие процедур, предусмотренных их национальным правом, для всех форм сотрудничества. Статут при этом не определяет способов

³ Там же. С. 9-10.

⁴ Шайд М. Путь, который нужно пройти государствам для проведения в жизнь положений Римского статута /Международный уголовный суд (МУС)/. Франкфурт-на-Майне, 2000. С. 84.

⁵ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 8.

осуществления имплементации. Их выбор относится к исключительной компетенции государства и зависит от его законодательной и конституционной базы. Как отмечают Е.Т. Усенко и Р.А. Мюллерсон, «если международное право налагает обязательство на государство в целом, то национальное право определяет, *какие* (курсив автора) органы государства либо должностные лица ответственны за обеспечение выполнения международных обязательств государства»⁸.

Как уже было отмечено, степень и способ имплементации, необходимой каждому конкретному государству, зависят от особенностей его национальной правовой системы. Тем не менее сама необходимость соответствующих мер организационного и правового характера бесспорна. На практике существует два основных варианта имплементации. Во-первых, в национальное право может быть включена норма (либо ряд норм), санкционирующая применение правил международного договора для регулирования конкретных внутригосударственных отношений. Этот способ исполнения требований международного права принято называть отсылкой⁹. Второй вариант – это принятие государством норм внутреннего права (в том числе путем изменения действующих и отмены уже существующих), которые способствуют исполнению предписаний международного права. Эти нормы могут текстуально повторять некоторые правила международного договора, конкретизировать или адаптировать их к особенностям социального строя и правовой системы государства.

Следует отметить, что отсылка подходит для имплементации далеко не всех международно-правовых норм по той причине, что не все из них являются самоисполнимыми (т.е. настолько конкретными и завершенными, что могут применяться без каких-либо конкретизирующих и дополняющих их норм)¹⁰. Говорить о самоисполнимых договорах можно в том случае, когда их имплементация сводится только к соблюдению. Государству для этого не требуется принимать какие-либо дополнительные меры правового или административного характера с целью преобразования норм международного договора во внут-

⁶ Международный уголовный суд. Пособие для ратификации и имплементации Римского статута /Объединенный проект/. Ванкувер-Монреаль, 2000. С. 77 (Далее – Пособие...).

⁷ Лукашук И. И. Конституции государств и международное право. М., 1998. С. 5.

⁸ Курс международного права. Т. I. М., 1989. С. 284.

⁹ Там же. С. 295.

¹⁰ Там же. С. 296-297.

ригосударственное право: они становятся частью такового уже в силу самого нормативно-правового акта об отсылке¹¹.

Очевидно, что Статут МУС не относится к категории самоисполнимых договоров, поскольку предусматривает процедуры, осуществление которых невозможно без участия внутригосударственных органов и должностных лиц. Следовательно, имплементировать его путем включения в качестве приложения в краткий законодательный акт о предоставлении полномочий либо благодаря самому акту ратификации представляется невозможным. Более того, Римский статут аккумулирует в себе совершенно отличные от внутригосударственных подходы к важнейшим конституционным, уголовно-правовым, уголовно-процессуальным и другим проблемам. Дополняя национальные органы власти, Международный уголовный суд не является продолжением национальных систем уголовного правосудия, и на практике полное отсутствие противоречий Статута и норм национального права становится невозможным.

Пункт 1 ст. 89 Римского статута МУС гласит: «Суд может препроводить просьбу об аресте и передаче лица <...> любому государству, на территории которого может находиться это лицо, и обращаться к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и передаче такого лица. Государства-участники в соответствии с положениями настоящей части и процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и передаче».

Очевидно, что в некоторых случаях МУС будет обращаться к государству – участнику Статута с просьбой передать ему своего гражданина, если он подозревается в совершении преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда¹². Согласно Римскому статуту, в такой ситуации государство обязано удовлетворить эту просьбу и не может ссылаться ни на какие обстоятельства для отказа в передаче лица Суду¹³.

В то же самое время национальное законодательство большинства современных государств придерживается «преобладающей в конституционно-правовой практике тенденции»¹⁴ невыдачи собственных граждан. Так, в ст. 6 (LI) Конституции Бразилии установлено, что «ни один бразилец не может быть выдан иностранному государству за ис-

---

¹² Пособие... С. 82.

¹³ Commentary on the Rome Statute of the ICC. Baden-Baden, 1999. P. 935.

¹⁴ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 15.

ключением натурализованного гражданина в случае совершения преступления до натурализации или доказанного участия в незаконной перевозке психотропных веществ и наркотических средств, согласно закону»¹⁵. Конституция Швейцарии в ст. 25 предусматривает, что швейцарцы обоего пола могут быть переданы иностранным властям только с их согласия¹⁶. Аналогичные правила содержатся в конституциях ФРГ (ст. 16)¹⁷, Азербайджана (ст. 59)¹⁸, Украины (ст. 25)¹⁹ и т.д.

Положение о невыдаче собственных граждан предусмотрено и в Конституции России: часть 1 ст. 61 гласит, что гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству. Уголовный кодекс Российской Федерации подтверждает это правило в ст. 13 (1), устанавливая, что граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству. Часть 1 ст. 464 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации называет гражданство Российской Федерации в числе непреодолимых препятствий для выдачи лица.

Невыдача собственных граждан в качестве основания для отказа в экстрадиции довольно широко встречается и в договорно-правовой практике. Ссылки на это содержатся в Европейской конвенции о выдаче 1957 г.²⁰, Типовом договоре ООН об экстрадиции 1990 г., Конвенции СНГ о правовой помощи 1993 г., а также в ряде двусторонних договоров²¹.

---

¹⁵ Конституции государств Европы. В 3 томах / Под ред. Л.А. Окунькова. Т. 1. М., 2001. С. 292.

¹⁶ Конституции зарубежных стран / Сост. В. Н. Дубровин. М., 2001. С. 97.

¹⁷ Там же. С. 133.

¹⁸ Конституции государств Европы. В 3 томах / Под ред. Л.А. Окунькова. Т. 1. М., 2001. С. 141.

¹⁹ Там же. Т. 3. С. 314

²⁰ Статья 6 Конвенции предусматривает право сторон отказать в выдаче своих граждан (См.: Международное право. Сборник документов / Под ред. А.Н. Талалаева. М., 2000. С. 386). В частности, Российская Федерация при ратификации Конвенции в 1999 г. сделала заявление о невыдаче другому государству своих граждан согласно ст. 61 (1) Конституции (Федеральный закон от 25.10.1999 г. № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 43. Ст. 5129).

²¹ Ссылки на правило невыдачи граждан содержатся, в частности, в Договорах Российской Федерации о выдаче с КНР (ст. 3), Индией (ст. 5) и Договорах об оказании правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам с Азербайджаном (ст. 62), Литвой (ст. 102), Эстонией (ст. 62). (См.: Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001. С. 168; Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 15).

Итак, сложившаяся ситуация вызывает у многих государств серьезные трудности. Для их преодоления они «должны учесть «особый характер Суда» и принять меры, благодаря которым гражданство обвиняемого лица не будет препятствовать его передаче»²².

Способ избежания коллизии норм права и положений Статута косвенным образом предусмотрен самим договором: ст. 102 проводит различие между «выдачей» (extradition) и «передачей» (surrender). Согласно положениям данной статьи, «выдача» означает доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора, конвенции или национального законодательства. Под «передачей» же понимается доставка лица государством в Суд в соответствии с Римским статутом²³.

Эти различия, как справедливо отмечает Н.А. Сафаров, «выходят далеко за рамки терминологических характеристик»²⁴. Современное международное право рассматривает экстрадицию как межгосударственную процедуру, связанную с выдачей правонарушителя по соответствующему запросу, осуществляемую с целью предания суду или исполнения вынесенного приговора²⁵. Несмотря на то, что в большинстве случаев вопросы экстрадиции урегулированы двусторонними или многосторонними договорами, на практике государства относительно свободны при принятии решения о выдаче. В отношении же передачи лица Международному уголовному суду подобная свобода усмотрения недопустима.

Как уже было сказано, дифференциация понятий «выдача» и «передача» позволяет избежать коллизии с конституционными нормами многих стран, содержащими абсолютный запрет на экстрадицию граждан. Более того, подход, используемый в Статуте, дает возможность обойти сложные юридические проблемы, с которыми сталкивается выдача²⁶. Речь идет о возможности отказа в экстрадиции в связи с по-

---

²² Пособие... С. 82.

²³ Следует отметить, что отечественная наука международного права не проводит дифференциации этих понятий. Выдача преступника зачастую определяется как «передача лица одним государством другому», а самостоятельного термина «передача лица международной организации» не существует вообще. (См.: Юридический словарь / Под ред. С.Н. Братуся, Н.Д. Казанцева, С.Ф. Кечекьяна и др. М., 1953. С. 95; Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001. С. 168).

²⁴ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 16.

²⁵ Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972. С. 119, Валеев Р.М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976. С. 28-29, Международное уголовное право / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 241-243.

литическим характером совершенного преступления, обеспечением соответствующих стандартов правосудия в запрашивающем государстве, применением территориального принципа уголовной юрисдикции и т.д.²⁷. При *передаче* лица МУС нет необходимости анализа подобных политико-правовых проблем, что существенно облегчает сотрудничество государств с Судом²⁸.

Как было указано выше, государства могут рассмотреть несколько способов решения конституционно-правовых проблем при ратификации Римского статута²⁹.

Так, Германия пошла по пути внесения поправок в свою Конституцию. Как известно, ст. 16 Основного закона ФРГ предусматривает, что ни один немец не может быть выдан иностранному государству³⁰. Во избежание коллизий этого положения Конституции и норм Римского статута 29 ноября 2000 г. был принят Закон об изменении ст. 16 (вступил в силу 2 декабря 2000 г.), согласно которому в отступление от невыдачи собственных граждан законом должно быть предусмотрено положение о выдаче немцев в государства – члены Европейского Союза или передаче международному суду при условии соблюдения принципов верховенства права³¹. Аналогичным образом решила эту проблему Чешская Республика³²: в Конституцию была включена ст. 112с, предусматривающая, что Чешская Республика должна пере-

---

²⁶ Там же.

²⁷ Так, Конституция Итальянской Республики в ст. 26 запрещает выдачу за политические преступления, а Конституция Португалии (ст. 33) требует от запрашивающего государства гарантий проведения «надлежащего и справедливого процесса». (См.: Конституции государств Европы. В 3 томах / Под ред. Л.А. Окунькова. Т. 2. М., 2001. С. 757; Конституции зарубежных стран / Сост. В.Н. Дубровин. М., 2001. С. 72).

²⁸ Следует отметить, что аналогичные подходы были использованы в Уставах Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии (ст. 28 Устава Международного трибунала по Руанде и ст. 29 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии). В обоих случаях термин “extradition” не использовался: вместо него применялся термин “surrender or transfer” (во французской версии – “la transfert ou la traduction”). В русском переводе эти термины переданы не совсем точно: «выдача или передача». (См.: Действующее международное право в 3 томах / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 1. М., 1999. С. 758, 771).

²⁹ Доклад по конституционным вопросам, возникшим в связи с ратификацией Римского статута Международного уголовного суда. Принят Комиссией Совета Европы на 45-ом пленарном заседании (Венеция 15-16 декабря 2000 г.). Страсбург, 2001. С. 3. (Далее – Доклад...).

³⁰ Конституции зарубежных стран / Сост. В.Н. Дубровин. М., 2001. С. 133.

³¹ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 19.

³² По этому пути могут пойти также Кипр, Литва, Мальта. (См.: Доклад... С. 21).

дать гражданина своей страны или гражданина иностранного государства в целях судебного преследования соответствующему международному уголовному суду³³. Преимущество данного способа в том, что он исключает какую-либо возможность коллизии с нормами внутреннего права и гарантирует такое положение, когда национальные суды будут отвечать тем обязательствам, которые налагаются Статутом. Недостатком его является то, что в ряде стран внесение поправок или дополнений в Конституцию предусматривает сложную и длительную процедуру.

В некоторых случаях государства не изменяют конкретных положений своих конституций, а принимают поправку общего характера, в равной степени относящуюся ко всем конституционным нормам, не соответствующим Римскому статуту. Так, ст. 118 Конституции Люксембурга была дополнена указанием на то, что ни одно из ее положений не должно противоречить Статуту Международного уголовного суда и осуществлению обязательств, принятых в соответствии с условиями, изложенными в Статуте³⁴. По такому же пути пошла Франция. 8 июля 1999 г. был принят Конституционный закон № 99-568, ст. 53-2 которого гласит: «Республика признает юрисдикцию Международного уголовного суда в соответствии с договором, подписанным 18 июля 1998 года»³⁵.

Ряд других государств для решения данной проблемы используют так называемый интерпретативный подход, заключающийся в толковании соответствующих конституционных положений. Например, Конституционный суд Украины в своем заключении по делу «Об обращении Президента Украины в Конституционный суд для получения заключения относительно соответствия Конституции Украины Римскому статуту Международного уголовного суда» от 11 июля 2001 г. пошел по пути, косвенным образом предусмотренному в самом Статуте, и обратил внимание на разграничение терминов «выдача» и «передача».

В общеупотребительном понимании эти термины рассматриваются как синонимы, тогда как в международно-правовых документах и в специальной литературе в них вкладывается различный смысл, что делает их юридический характер неидентичным.

Доставление лица другому равным образом суверенному государству принципиально отличается от предоставления лица в распоряже-

---

³³ Доклад... С. 3.

³⁴ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 19.

³⁵ Пособие... С. 78.

ние Суда, учрежденного в соответствии с международным правом и с согласия заинтересованных сторон. В соответствии с частью 2 ст. 25 Конституции Украины выдача (экстрадиция) граждан Украины другому государству запрещается. Следовательно, это положение касается лишь национальной, но не международной юрисдикции. Оно имеет целью гарантировать непредвзятое рассмотрение дела в суде, справедливость и законность наказания для граждан Украины.

Международный уголовный суд не может приравниваться к иностранному суду, так как создается с участием и с согласия государств-участников на основе международного, а не национального права. Цель, которой объясняется запрет выдачи граждан одного государства другому, достигается в Международном уголовном суде путем применения соответствующих положений Устава, разработанных либо одобренных государствами-участниками. Эти положения базируются на международных пактах, согласие на обязательность которых для Украины уже дано. Поэтому конституционные положения о запрете выдачи граждан Украины (даже при условии широкого толкования понятия «выдача») нельзя рассматривать отдельно от международно-правовых обязательств Украины³⁶.

Аналогичным способом решила проблему соответствия Конституции и Римского статута Норвегия, придя к заключению, что передача граждан страны Суду должна отличаться от выдачи другому государству, что в действительности запрещено³⁷.

Такой интерпретативный подход основан на признании особого характера юрисдикции МУС, который нельзя рассматривать как судебный орган иностранного государства. Он дает возможность ратифицировать Статут, избежав длительной и сложной процедуры внесения поправок в Конституцию, хотя и не устраняет до конца проблему соответствия Римского статута и национального законодательства.

Следует отметить, что существует ряд государств, законодательство которых по вопросу выдачи (либо передачи) граждан исключает коллизии с нормами Римского статута³⁸.

---

³⁶ Заключение Конституционного суда Украины. Дело об обращении Президента Украины в Конституционный суд для получения заключения относительно соответствия Конституции Украины Римскому статуту Международного уголовного суда. Киев. Дело № 1-35/2001 от 11 июля 2001 г.

³⁷ Доклад... С. 7.

³⁸ По мнению Н.А. Сафарова, это скорее исключение, чем общее правило (См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 20-21).

В частности, ст. 11 Конституции Республики Казахстан гласит: «Гражданин Республики Казахстан не может быть выдан иностранному государству, если иное не установлено международными договорами Республики»³⁹. В данной статье речь идет о *выдаче лица иностранному государству*, однако представляется, что в число изъятий для случаев, установленных международными договорами, входит и *передача лица Международному уголовному суду*, поскольку его учреждение было оформлено международным договором.

Подобные нормы предусмотрены также в конституциях Грузии⁴⁰, Италии⁴¹, Эстонской Республики⁴². Так, согласно ст. 26 Конституции Итальянской Республики, выдача гражданина может состояться только в случаях, предусмотренных международными конвенциями. Следовательно, при условии существования соответствующего международного договора правомерной является не только экстрадиция лица другому государству, но и передача его международному учреждению (в частности, Международному уголовному суду).

Эта юридическая конструкция значительно упрощает проблему ратификации Римского статута МУС. Если конституционные нормы считают допустимой экстрадицию граждан при наличии международного соглашения, то ратификация Статута, являющегося таким соглашением, сделает возможной передачу граждан Международному уголовному суду.

Как уже было отмечено, Конституция Российской Федерации запрещает выдачу своего гражданина иностранному государству⁴³. В связи с этим Российская Федерация, как и многие другие страны, сталкивается с проблемой соответствия национального законодательства и Римского статута МУС, подписанного, но пока не ратифицированного нашим государством⁴⁴.

---

³⁹ Новые конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов. Вып. 2. М., 1998. С. 178.

⁴⁰ Часть 4 ст. 13 Конституции Грузии (См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов. Вып. 2. М., 1998. С. 178).

⁴¹ Статья 26 Конституции Итальянской Республики (См.: Конституции зарубежных стран / Сост. В.Н. Дубровин. М., 2001. С. 72).

⁴² Статья 36 Конституции (Основного Закона) Эстонской Республики (См.: Новые конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов. Вып. 2. М., 1998. С. 230).

⁴³ Статья 62 (1) Конституции гласит: «Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству».

⁴⁴ Римский статут был подписан от имени Российской Федерации Министром иностранных дел в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН 13 сентября 2001 г. (См.: Со-

Пункт 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В этой связи распространено мнение о существовании в российском праве «общей инкорпорации международно-правовых норм, признанных Россией», то есть такой ситуации, когда «эти нормы становятся частью ее правовой системы и могут *непосредственно* (курсив автора) применяться государственными органами, в том числе и судами»⁴⁵.

Однако эта точка зрения вызывает сомнения. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»⁴⁶ отмечает, что поскольку Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие, судам следует применять нормы международного права в случае противоречия между нормой закона и нормой международного права. Но речь здесь идет не обо всех международных договорах Российской Федерации, а только о тех, что вступили в силу и решение о согласии на обязательность которых было принято в форме федерального закона.

Сама по себе конституционная норма о примате международного права не устраняет возможность коллизий национального законодательства и международного права и по причине существования так называемых «самоисполнимых» и «несамоисполнимых» международно-правовых норм. Согласно ст. 5 (3) Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г.⁴⁷, «положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для их применения, действуют в Российской Федерации непосредственно».

ответствие российского национального законодательства Статуту Международного уголовного суда. // Исследование в преддверии ратификации Статута Международного уголовного суда. М, 2001. С. 2 (Далее – Соответствие...)).

⁴⁵ Соответствие... С. 7.

⁴⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда.

⁴⁷ Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства 1995. № 29. Ст. 2757.

редственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации применяются соответствующие правовые акты».

Таким образом, может сложиться ситуация, когда одни положения международного договора являются самоисполнимыми, а другие – несамоисполнимыми. В случае с Римским статут самоисполнимой является, например, норма ст. 16 («Отсрочка расследования или уголовного преследования»), несамоисполнимой – норма ст. 14, согласно которой государство-участник может передать Прокурору ситуацию, при которой совершены преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда. Вопрос о том, какой именно орган государства и в каком порядке может обращаться в Суд, нуждается в дополнительном регулировании⁴⁸.

Кроме того, очевидна возможность возникновения проблем конституционно-правового характера, связанная с тем, что «никакой [международный] договор не может заключаться в противоречие Конституции Российской Федерации»⁴⁹. Этот принцип прямо установлен в ст. 1 и 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» и широко обсуждается в юридической литературе. Так, в Научно-практическом комментарии к Конституции Российской Федерации под редакцией М.Б. Смоленского говорится, что в силу того, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, «приоритет норм международного права признается в отношении законов, но не Конституции»⁵⁰. Это означает, что принятие решения о согласии на обязательность международного договора, требующего изменения отдельных положений Конституции, в Российской Федерации, в отличие от некоторых других государств⁵¹, возможно только после внесения соответствующих изменений.

На первый взгляд, несоответствие ст. 61 (1) Конституции Российской Федерации и ст. 89 Римского статута МУС представляет собой именно такой случай.

---

⁴⁸ Соответствие... С. 8.

⁴⁹ Международное право / Под ред. Л.Н. Шестакова, А.Н. Талалаева, Е.А. Шибяевой, М.А. Коробовой. М., 1999. С. 159.

⁵⁰ Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. М.Б. Смоленского. М., 1998. С. 179.

⁵¹ В частности, Канада ратифицировала Римский статут 7 июля 2000 г., а Закон «О геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях» был принят только 29 июля 2000 г.

Действительно, теоретически существует возможность внесения дополнения в Конституцию Российской Федерации, подобного тому, которое было внесено в Конституцию Франции. Однако этот вариант сопряжен с большими трудностями: процедура изменения Конституции, предусмотренная ст. 135, настолько сложна⁵², что делает маловероятной быструю реализацию такого решения.

Маловероятна также возможность принятия некоего единого акта, имплементирующего Римский статут, по примеру канадского Закона «О геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях» от 29 июля 2000 г. или новозеландского Закона «О международных преступлениях и Международном уголовном суде» от 1 октября 2000 г.⁵³. Российская правовая система практически не имеет опыта создания такого рода законодательных актов и традиционно ориентируется на УК и УПК⁵⁴. Кроме того, принятие такого документа потребует внесения изменений и дополнений в другие законодательные акты, положения которых в той или иной степени взаимодействуют с нормами Статута⁵⁵.

Представляется, что оптимальным вариантом решения рассматриваемой проблемы для Российской Федерации является разграничение на законодательном уровне понятий «выдача» («экстрадиция») и «передача». В этом случае необходимости внесения дополнений в Конституцию не возникает.

Как уже говорилось, исходя из содержания Римского статута, передача представляет собой *предоставление лица международному органу*, тогда как выдача определяется в российской правовой доктрине как «основанный на международных договорах акт правовой помощи, состоящий в *передаче*⁵⁶ преступника государством, на территории которого он находится, государству, потерпевшему от преступления,

⁵² По инициативе 3/5 голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы созывается Конституционное Собрание. Оно разрабатывает проект новой Конституции, который принимается 2/3 голосов от общего числа членов Конституционного Собрания либо выносится на всенародное голосование.

⁵³ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 13.

⁵⁴ Соответствие... С. 9.

⁵⁵ В частности, канадский закон предусматривает изменения таких актов, как законы «О гражданстве», «Об экстрадиции», «Об иностранных миссиях и международных организациях», «Об иммиграции» и т.д.; новозеландский закон влечет изменения «Закона о преступлениях», «Закона об уголовной юстиции», Уголовного кодекса и др. (См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 13).

⁵⁶ Во избежание путаницы, целесообразнее было бы использовать термин «предоставление».

для привлечения его к уголовной ответственности и наказанию или для исполнения наказания, вынесенного приговором суда другого государства»⁵⁷. Таким образом, при разрешении принципиального вопроса о том, существует ли противоречие между Конституцией Российской Федерации и Римским статутом относительно передачи лиц, будет достаточно разъяснения Конституционным Судом различия в понятиях «выдача» иностранному государству и «передача» международному судебному учреждению, не затрагивающего положений Конституции⁵⁸. Однако и при таком варианте невозможно будет обойтись без принятия нормативно-правовых актов, регулирующих процедуру передачи.

Разрешить это квазипротиворечие также могло бы принятие закона Российской Федерации об экстрадиции (выдаче), закрепляющего четкое законодательное определение понятий «выдача иностранному государству» и «передача международному органу»⁵⁹.

Другим приемлемым вариантом было бы разграничение этих понятий в законе о международном судебном сотрудничестве или включение в УПК РФ наряду с главой 54 («Выдача лица для целей уголовного преследования и для исполнения приговора») специальных статей, регулирующих передачу лица Международному уголовному суду⁶⁰.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что конституционная норма о невыдаче Российской Федерацией собственных граждан как таковая не противоречит Римскому статуту МУС. В связи с возможностью использования так называемого интерпретативного подхода данная проблема имеет «удовлетворительное конституционное решение», но недостаточно урегулирована в текущем законодательстве. С принятием соответствующего нормативно-правового акта (или внесением дополнений в уже существующие) это квазипротиворечие отпадет, что ускорит ратификацию Россией Статута Международного уголовного суда.

---

⁵⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 26.

⁵⁸ Соответствие... С. 38.

⁵⁹ Там же. С. 39.

⁶⁰ Там же. Следует отметить, что законодатель в ст. 467 УПК РФ весьма неудачно использует термин «передача» в смысле предоставления преступника для непосредственного его принятия другим государством («передача выдаваемого лица»). В случае внесения дополнений в УПК целесообразно будет заменить этот термин.